

ВСТРЕЧИ, ПРИНЕСШИЕ РАДОСТЬ

Итак, все три спектакля, привезенные французским Национальным Народным театром на гастроли в Москву, сыгранны. Критика много писала о первом из них — о мольеровском «Дон Жуане». Было единодушно отмечено блестящее и умное мастерство исполнителей, в первую очередь самого Жана Вилара — руководителя театра, сыгравшего Дон Жуана, и Даниэля Сорано в роли Сганареля. Не ускользнуло от внимания и то, что в постановке нашли конкретное воплощение мысли Вилара об искусстве театра, известные нам по отрывкам из его книги, по интервью в газетах, по заметкам Эльзы Триоле, напечатанным в журнале «Театр».

Два последующих представления — комедия Мариво «Торжество любви» и драма Гюго «Мария Тюдор» — не только утвердили правильность первоначальных впечатлений, но и открыли много нового.

Да, французские актеры — великолепные профессионалы. Этот профессионализм не унижает искусства. Когда и кому из актеров мешала ясная, четкая, чистая речь? Кто на сцене испытывал затруднение от того, что руки и ноги послушно повиновались ему, а тело было легким и гибким? Знание техники своего дела позволяет справляться с большой физической нагрузкой, которая, как правило, выпадает на долю труженников сцены, особенно в гастролях. Оно также позволяет успешно выразить то, чем полна душа, а в случае, если она не очень полна, более или менее искусно скрыть это. Но шутки в сторону. Профессионализм в искусстве нужен и необходим, когда он не самодовлеющ. А в спектаклях французского театра техникой и умением восхищаешься, главным образом, потому, что благодаря им яснее видится замысел постановщика и актеров.

Этой же цели служит и оформление. Как и в «Дон Жуане», оно условно. Но что это за условность? В ней нет ни

капли претенциозности, желания пококетничать своей необычностью. Глядя на декорацию «Торжества любви», которая вся состоит из беседки с маленькой статуей шаловливого амура, скамеек, балюстрады и четырех деревьев, или любуясь строгой продуманностью деталей, которые в «Марии Тюдор» позволяют с потрясающей реальностью воссоздать то зал во дворце, то мрачный Тауэр, то берег почной Темзы, несвольно вспоминаешь слова, которые приписывают соотечественнику наших гостей — Родэну. Чтобы создать скульптуру, говорил он, надо взять мрамор и отсечь все лишнее. Эта безжалостность к лишнему и отличает стиль художника Леона Гишиа. Со сцены убирают все ненужные вещи — и тогда оставшиеся вдруг становятся удивительно красноречивыми, приобретают

почти символическое значение. Так «играет» корона в комнате Марии Тюдор. Она покоится на узкой длинной подставке величественно и вместе с тем удивительно одиноко — так же одиноко, как одинока судьба женщины, которой корона принадлежит. Или контраст черного и красного — одна полоса этого красного, резкой чертой окаймляющая черный бархат приподнятой сценической площадки, ясное всяких слов говорит нам о жестокости времени Марии «Кровавой».

Секрет эффекта, который достигается подобным оформлением, в сущности, удивительно прост. Он рассчитан — и рассчитан безошибочно — на фантазию зрителя. Если же заглянуть в недавнюю историю, то будет ясно, как родилась эта идея. Она была подсказана Жану Вилару необходимостью, жизнью. Теперь же минимум декораций — одно из теоретических положений Национального Народного театра, где считают, что искусство — отвлекать внимание зрителей от актеров.

И от каких актеров, добавим мы! «Торжество любви» и «Мария Тюдор» дали нам возможность познакомиться с Марией Казарес, и едва ли будет преувеличением сказать, что она — мастер первой величины.

Вот появляется на сцене принцесса Леонида. Она в мужском костюме, но и он не в состоянии скрыть изящества и женственности ее фигуры. Да Леонида вообще не стремится к этому. Почему — спросите вы? Ведь суть дела в том, чтобы быть неузнанной. И да и нет, отвечает актриса. Мариво — писатель галантного XVIII века — создал комедию изящную, легкую. Правда, героиню ее приходится пускаться на хитрость, чтобы добиться счастья, но если говорить честно,

с самого же начала ясно, что все кончится благополучно и даже обманутые скоро утешатся. Леонида влюблена? Влюблена, конечно, но... в рамках пьесы Мариво. Поэтому и сыграем все, как есть у автора. И Казарес так и делает — ограничивает и подчиняет определенному замыслу свой огромный темперамент. Подобно ей поступают и другие актеры: Корина — Мопля Шометт, Гермократ — Жан Вилар, Леоптина — Катрин Ле Куэй, Ажис — Роже Мольен, Димас — Жорж Вильсон, Арлекин — Даниэль Сорано, — и мы полностью это принимаем. Ведь в самой пьесе Мариво скрыто немало достоинств, которые вознаграждают публику за отсутствие больших страстей.

Но удивительное дело! Хотя Леонида — Казарес нигде не переступает границ созданного ею образа — образа девушки, обладающей умом скорее насмешливым, чем глубоким, сердцем скорее нежным, чем страстным, — мы ни на минуту не сомневаемся, что исполнительские возможности ее несоизмеримо шире. Что убеждает нас в этом? Трудно сказать. Может быть, роли, созданные в кино (в «Пармской обители» и «Свет и тень»), но скорее всего то ощущение силы, то властное обаяние, которые всегда присущи таланту и всегда чувствуются.

Так было и на этот раз. И поэтому мы шли на представление драмы Гюго заранее уверенные, что увидим нечто необычное. И мы не ошиблись. Королева Мария в исполнении Казарес — образ истинно величественный: так сильны, так испепеляющие страсти, владеющие ею.

Казарес играет все, что написал о Марии Тюдор Гюго. Она и жестока, и презрительна, и коварна — это одна сторона ее природы. Но она умеет любить — любить, забывая все на свете, вплоть до государства, которым правит, и стра-

дать, забывая себя. Но если думать о том, что же главное для актрисы в этой роли, то ответ будет один: любовь. Казарес, как никто другой, умеет передать ее муки, то состояние души, когда человек от горя перестает владеть собой. Где Марии думать о том, чтобы быть красивой, изящной, снова и снова плевать своего коварного, вероломного Фабиано? На все это нет сил — и перед нами женщина намеренно некрасивая, намеренно неизящная. Голос Казарес от природы низкий, чуть хриповатый, приобретает почти мужские интонации, ее походка нервна и размашиста, и только ее глаза ни на минуту никого не обманывают. Полное постижение души своей героини позволяет актрисе делать вещи удивительные по психологической тонкости. Вот она узнает от Джей, что послала на гибель ее возлюбленного Гильберта. И какое сожаление, смущение, даже робость на безжалостном лице Марии! Она-то понимает, что значит потерять любимого! И как становится понятна ее вдруг возникающая тревога за Фабиано — та тревога, которая в пьесе всегда казалась чутью искусственной, введенной, так сказать, для романтического контраста!

...Мы сознаем, что было бы слишком большой роскошью ожидать от всех актеров могучего темперамента Марии Казарес. Но никому из них, за исключением, пожалуй, изумительного Филиппа Нуаре в роли Симона Релара, не изменит тонкое чувство стиля, позволяющее по-разному играть каждого нового драматурга. Вот это безукоризненное воплощение «духа автора» — еще одно положительное качество актеров и постановщика «ТНП».

Приезд этого театра в Москву — событие несомненно значительное как для зрителя, так и для деятелей нашего театра. Ведь обмен культурными ценностями помогает развитию искусства.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.

Мария Тюдор — Мария КАЗАРЕС, Симон Релар — Филипп НУАРЕ.